

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

IV.

Общественное освободительное движение и интересы церкви.

Событія послѣдняго времени лишній разъ доказали, что наше духовенство не можетъ похвалиться большою дальновидностью.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ св. синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи Государю Императору угодно было 31 марта начертать: „признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія, и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго собора. Предоставляю Себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ Всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія“.

Не трудно было предвидѣть такой именно отвѣтъ на докладъ св. синода. Иной отвѣтъ явился бы своего рода анахронизмомъ.

Въ февральскомъ обзорѣніи по поводу Высочайшаго указа 12 декабря мы выразили надежду на то, что преобразованія въ нашемъ государственномъ строѣ естественно повлекутъ за собой и реформы церковной жизни. Поэтому мы не удивились, когда вскорѣ по обнародованіи Высочайшихъ рескрипта и указа 18 февраля какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духов-

ныхъ кружкахъ зародилась мысль о необходимости церковныхъ преобразованій и нашла свое выраженіе въ ходатайствѣ св. синода о созваніи собора и учрежденіи патріаршества. Мы удивились лишь тому, что многіе возымѣли слишкомъ большую надежду на скорое осуществленіе давно лелѣемой мечты. Не слишкомъ много требовалось проникательности, чтобы понять, что ранѣе проведенія государственной реформы не могло состояться *существенныхъ* церковныхъ преобразованій. Связь двухъ движеній—общественнаго и церковнаго—очевидна. Она была очень хорошо понята реакціонной печатью и нѣкоторыми частными кружками, требовавшими отсрочки церковныхъ реформъ по соображеніямъ политическимъ, хотя и неясно выраженнымъ. Это и было причиной, почему реакціонная печать слишкомъ свирѣпо и желчно обрушилась на иниціаторовъ церковной реформы. Осталась непонятною эта связь лишь одному духовенству. Пойми оно ее ранѣе, оно иначе отнеслось бы къ освободительному движенію. А между тѣмъ понять ее слишкомъ нетрудно.

Продолжавшееся не болѣе мѣсяца церковно-преобразовательное движеніе, подобно внезапному порыву вѣтра, ворвавшемуся въ замкнутый домъ и освѣжившему застоявшійся воздухъ, успѣло многое уяснить, многое обнаружить. То, о чемъ думали охотно, но высказывать не смѣли, свободно и мужественно обсуждалось и на собраніяхъ, и на столбцахъ періодической прессы. Въ это короткое время мы успѣли познакомиться съ думами и мечтами духовенства и свѣтскаго общества, не потерявшаго интереса къ церковной жизни. И нельзя сказать, чтобы эти думы были одинаково глубоки, одинаково чисты и возвышенны, и обнаруживали одинаковое знаніе исторіи. Но объ этомъ мы будемъ говорить подробно впоследствии. Теперь мы отмѣтимъ лишь то общее, въ чемъ сходились всѣ жаждавшіе реформъ. Независимость церкви отъ вмѣшательства государственной власти и бюрократическаго давленія, съ одной стороны, и свободное самоуправленіе на началахъ соборности, съ другой,—вотъ существенное и главное, чего хотятъ всѣ сторонники церковной реформы. Но вѣдь освобожденіе отъ бюрократизма и народное представительство составляетъ и цѣль общественнаго освободительнаго движенія.

Это совпаденіе цѣлей общественнаго и церковнаго дви-

женія не внѣшнее и не случайное. Оно имѣетъ въ своемъ основаніи одинаковыя внутренніе мотивы. Вся жизнь, какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго общества, стоитъ въ неразрывной и постоянной связи съ глубочайшими и вѣчными потребностями человѣческаго духа, которыя, живя рядомъ съ религіозною потребностью, настолько же, насколько и эта, возвышаются надъ всѣмъ случайнымъ, временнымъ и столько же нуждаются въ свободѣ и независимости отъ внѣшнихъ давленій, имѣющихъ случайныя цѣли. Какъ съ точки зрѣнія существа вѣры странно предписывать полицейскимъ способомъ извѣстныя нормы вѣры, такъ же странно предписывать опредѣленныя нормы наукъ, эстетикъ, нравственно-практической дѣятельности, исходя изъ соображеній политическихъ и тенденцій бюрократическихъ. Право вѣры на свободу таково же, какъ право другихъ духовныхъ потребностей. Право церкви на свободу одинаково съ правомъ общества на свободу.

Господство бюрократіи одинаково тяжело и въ большинствѣ случаевъ одновременно отзывается какъ на религіозной, такъ и на другихъ сферахъ духовной жизни. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ ближайшаго времени. Въ одномъ изъ №№ „Извѣстій по С.-Петербургской епархіи“ сообщалось, что на пастырскомъ собраніи подъ предѣдательствомъ высокопреосв. Антонія обсуждалось отношеніе духовенства къ событію 9 января, и собраніе указало на необходимость молитвы за погибшихъ, однако молитвы не публичной, не торжественной, могущей вызвать какія-либо перетолкованія, а пастырской—тайной, возносимой за литургіей (Русс. Слово 5 апр.). Пастыри должны были хорошо знать, что рѣчь шла здѣсь не о бѣльшей или меньшей торжественности богослуженія, чѣмъ у насъ обыкновенно такъ много занимаются, а о томъ, дать или не дать возможность вѣрующимъ, присутствующимъ на богослуженіи, возносить объ умершихъ свои молитвы вмѣстѣ съ пастырями. Рѣшено было лишить убѣенныхъ общественной молитвы, которой православная церковь такъ много придаетъ значенія. Развѣ нѣтъ здѣсь посягательства на самое святое святыхъ церкви? Вотъ еще болѣе характерный фактъ, разсказанный въ *Новостяхъ* (25 марта). По существу своему онъ ничего не представляетъ новаго и обращаетъ на себя вниманіе лишь своею выразительностью.

Онъ настолько выразителенъ, что читая о немъ, мы краснѣли. Дѣло въ слѣдующемъ. Въ Малороссіи одному благочинному былъ доставленъ толстый пакетъ, въ которомъ оказалось: 1) *секретныя* циркуляры для батюшекъ всего благочинія и 2) *наисекретнѣйшее* предписаніе для благочиннаго. Въ секретныхъ циркулярахъ батюшкамъ епархіальная власть, по требованію синодальной прокуратуры, предписывала священникамъ *тайно* слѣдить за всякими противоправительственными и аграрными движеніями крестьянъ и о малѣйшихъ проявленіяхъ такого движенія немедленно также тайно сообщать благочиннымъ своего округа, а въ наисекретнѣйшихъ инструкціяхъ благочиннымъ указывалось, куда и какъ направлять всѣ доносы, которые будутъ они получать отъ подвѣдомственныхъ имъ батюшекъ. Прочитавъ документы, благочинный расплакался отъ стыда и возмущенія, а духовенство пришло въ негодованіе и категорически отказалось выполнить изумительное бюрократическое требованіе. Бываютъ враги вѣры, которые мучатъ, вѣшаютъ и казнятъ. Но бываютъ и такіе, которые съ пощѣлуями Іуды направляютъ свои удары въ сердце вѣры. Припомните лишь недавно отмѣненное запрещеніе малороссійскаго перевода библіи, лишавшее цѣлые милліоны возможности слышать слово Божіе на родномъ языкѣ, отнимавшее у вѣры, церкви, царства Божія—то, что по закону Божескому принадлежитъ имъ, и въ тоже время державшее народъ въ насильственномъ невѣжествѣ. Сколько бюрократическихъ стѣсненій въ областяхъ, болѣе повидимому отдаленныхъ отъ вѣры, одинаково давятъ и вѣру и свободу, налагая путы на личную и общественную помощь народу въ борьбѣ его съ эпидеміями, голодомъ и другими массовыми бѣдствіями?

Но не въ отдѣльныхъ лишь фактахъ совпадаетъ нарушение правъ вѣры и свободы человѣческой бюрократическимъ режимомъ, а въ цѣломъ строѣ—общественномъ и церковномъ. Установившійся у насъ союзъ церкви съ государствомъ, многими близорукими людьми чуть не возводимый въ образецъ удачнаго рѣшенія проблемы объ отношеніи духовной и свѣтской власти, на самомъ дѣлѣ во многихъ отношеніяхъ имѣетъ вредныя для церкви послѣдствія. Сущность его въ томъ, что государство внѣшнею силою во всевозможныхъ ея формахъ охраняетъ интересы церкви, обезору-

живая всѣми имѣющимися у него средствами враговъ православія, съ своей стороны церковь взаимнѣ того оказываетъ свою авторитетную помощь въ поддержаніи интересовъ и цѣлей государства. Благодаря этому, церковь нерѣдко оказывается въ проигрышѣ. Она во многихъ случаяхъ или осуществляетъ свои вѣчныя цѣли средствами не евангельскими и духовными, а силой и насиліемъ, или имѣющіяся у нея вѣчныя средства отдаетъ въ распоряженіе временнымъ, чисто-человѣческимъ и мірскимъ цѣлямъ, являясь такимъ образомъ въ отношеніи къ государству въ роли полицейски-служебной.

Лишась свободы отвнѣ, церковь вмѣстѣ съ тѣмъ утрачиваетъ ее и внутри. Самую существенную черту истинной церкви, ея душу, ея жизнь, составляетъ исповѣдуемая въ символѣ вѣры соборность ея, т. е. право соборнаго самоуправления, самоопредѣленія. Въ истинной церкви все должно исходить не отъ одного лица и не отъ нѣкоторыхъ лицъ, а отъ всего тѣла церкви. Въ устроеніи и управленіи церковной жизни, въ опредѣленіи церковныхъ нормъ, должны принимать дѣятельное участіе всѣ члены церкви. Однако такой *modus vivendi* въ церкви былъ бы концомъ для служебной роли ея по отношенію къ государству. Вотъ почему государственная власть для обезпеченія прочности выгоднаго для нея союза прилагаетъ отъ себя усилія къ централизаціи церковной власти и къ подавленію начала соборности. Этимъ она надѣется пресѣчь самую возможность разлада между дѣятельностью церкви и интересами государства въ данную минуту. Съ устраненіемъ соборнаго самоуправления въ церкви и внутрь ея вносится тоже бюрократическое начало съ характеромъ абсолютизма, что и въ жизни государственной. Мѣсто нравственнаго авторитета заступаетъ авторитетъ внѣшній, авторитетъ силы. Власть церковная по существу своему является властью мірскою. Върующіе лишаются законной свободы, этой родной сестры соборности. Власть церковная порываетъ съ ними нравственную связь и прилѣпляется къ власти свѣтской. Она перестаетъ печаловаться о нуждахъ чадъ своихъ и думаетъ главнымъ образомъ о сохраненіи власти. Будучи вынуждена санкционировать своимъ великимъ авторитетомъ всякій *status quo*, она, вслѣдствіе постоянной измѣнчивости этихъ *status*, нерѣдко

ставится въ горькую необходимость благословлять нынѣ то, что вчера едва не проклинала, и проклинять то, что ранѣе благословляла, по выраженію одного писателя, „всему пѣтъ многая лѣта“. Естественнымъ слѣдствіемъ этого является потеря духовною властью свойственнаго ей нравственнаго авторитета у вѣрующихъ.

Наивное и крайне опасное заблужденіе, когда считаютъ православіе и существующій у насъ бюрократическій строй органически связанными и неотдѣлимыми и выражаютъ опасеніе за цѣлость православія съ уничтоженіемъ бюрократизма. Говорить такъ—значитъ включать вѣчное во временное, дѣло Божіе въ дѣло рукъ человѣческихъ, это значитъ, отрицать православіе первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Странное дѣло: не боятся, что погибнетъ наука, погибнетъ искусство; а за вѣру боятся. Точно вѣра—тюрьма, изъ которой только и ждутъ случая освободиться. Но этого мало. Существенное свойство православія, самоуправленіе церковное и бюрократическій строй суть не только не друзья, а гораздо болѣе непримиримые враги. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что возрвать къ церковному самоуправленію у насъ немислимъ при бюрократическомъ режимѣ. Какъ бы старательно ни обособляли интересы церковной жизни, они настолько органически тѣсно связаны съ другими сторонами личной и общественной жизни, что бюрократизмъ съ своими абсолютическими тенденціями никогда не откажется вліять на нее. Чтобы сохранить въ силѣ право самоуправления вѣрующихъ въ дѣлахъ церковныхъ, необходимо, чтобы они опредѣляли собою не только жизнь церкви, но и отношеніе государства къ ней. Другими словами соборное управленіе въ церкви возможно лишь при народномъ представительствѣ.

Конечно возможно, что состоялся бы соборъ іерарховъ, возможно, что было бы учреждено даже патріаршество. Но пока оставался бы бюрократическій строй, до тѣхъ поръ во внутренней жизни церкви не могло бы произойти важныхъ перемѣнъ. Свобода церкви была бы иллюзіей. Если собраніе іерарховъ не въ состояніи противостоятъ давленію бюрократіи, то было бы неосновательно думать, что это могъ бы сдѣлать патріархъ. У насъ для этого слишкомъ много монастырей, куда можно отправить на покой и патріарха. Истин-

ная свобода церкви возможно лишь тогда, когда она, освободившись отъ бюрократіи внѣшней и внутренней, сольется воедино народъ и іерархію и, проникшись духомъ христіанской свободы, будетъ жить и управляться по началамъ соборности. А это, повторяемъ, можетъ случиться не ранѣе чѣмъ отъ власти бюрократіи освободится народъ.

То, къ чему по глубокому недоразумѣнію наши отцы отнесли враждебно, дать имъ современемъ истинную свободу, свободу соборнаго самоуправленія. Безъ него ихъ мечты могутъ осуществиться развѣ лишь на бумагѣ.

Объ автономіи церкви и государства (В. В. Розанову).

В. В. Розанову мы обязаны рядомъ очень интересныхъ и очень поучительныхъ статей (въ Новомъ Времени) по церковному вопросу, въ которыхъ онъ съ свойственной ему глубиной, правдивостью и яркостью ставитъ діагнозъ современной церковной жизни въ Россіи. Но о нихъ, какъ и о всѣхъ другихъ думахъ свѣтскихъ людей о церковныхъ реформахъ, дающихъ весьма интересный матеріалъ для будущей церковно-преобразовательной работы, мы будемъ говорить въ слѣдующихъ книжкахъ журнала. Теперь мы отмѣтимъ лишь одну его статью, имѣющую близкое отношеніе къ только что сказанному нами. Въ *Новомъ Времени* (17 апр.) онъ высказываетъ нѣсколько соображеній о желательныхъ отношеніяхъ государства и церкви. Вотъ его мысли.

„Царства тѣ погибли, которыми управляли попы“, выразился однажды Грозный. Петръ избавилъ государство отъ опеки духовенства, каковая опека была всепроникающей въ Московской Руси. Будь Россія просто христіанской державой, но безъ специальныхъ византійскихъ „вздоховъ“, предсмертно завѣщанныхъ ей умирающимъ царствомъ на берегахъ Босфора, синода не появилось бы, патріархъ продолжалъ бы существовать, какъ такъ онъ не мѣшалъ бы царству ни въ чемъ. Но умирая, Византія нащептала своему дѣтищу ненависть умирающаго къ жизни, къ цвѣту, обилію и напору силъ; она слила христіанство съ гробомъ, монашествомъ, отреченіемъ отъ міра. Чувствовалось, что отъ такого христіанства не сдобровать ни государству, ни народу, ни наукѣ и искусству. Смыслъ синода заключался въ самоза-

щитѣ государства отъ древняго византійскаго и старомосковскаго смертнаго и гробоваго вліянія. Россія зацвѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ до боли придавила „половь“ и вдали саму церковь. Что она зацвѣла, это хорошо, но давить церковь она не въ правѣ. Она должна дать ей свободу. Эти два сковавшіе другъ друга или скованные другъ съ другомъ узники должны къ счастію обоихъ получить полную автономію. Пусть церковь будетъ свободна, какъ поэзія, какъ поэты; и государство пусть такъ же мало беретъ совѣтовъ у синода ли, у патріарха ли, какъ оно мало совѣтуется о перемѣнѣ системы ружей съ Пушкинымъ и Филаретомъ.

Мы позволимъ себѣ высказать по этому поводу нѣсколько соображеній. Что все византійское и русское христіанство, все начиная съ пониманія заповѣди о любви къ ближнему вплоть до восковой свѣчи, оттѣнено специально-византійскимъ „вздохомъ“, съ этимъ едва ли можно не соглашаться. Эти „вздохи“ слышатся и въ богословіи, и въ каноникѣ, и въ богослуженіи. Едва ли можно оспаривать и то, что изъ полноты первенствующаго христіанства Византія и Русь переняли больше слезъ и воздыханій, чѣмъ радостей свѣтлаго и обновленнаго бытія, благодаря господству въ церкви монашескаго элемента и уменьшенію вліянія бѣлаго духовенства, которое вслѣдствіе своей соціальной связи съ обществомъ менѣе чуждалось міра Божьяго и лучшихъ плодовъ челоувѣческой культуры. Быть можетъ не малую вину въ томъ приняли на себя и сами государи, для которыхъ бѣлое духовенство, какъ связанное съ народомъ, являлось болѣе устойчивымъ, менѣе податливымъ и потому менѣе желательнымъ элементомъ.

Если такъ, то можно надѣяться, что съ уничтоженіемъ бюрократическаго строя въ Россіи и съ проведеніемъ церковной реформы на началахъ соборнаго и выборнаго самоуправленія, въ церковной жизни и въ указанномъ отношеніи произойдутъ важныя перемѣны. Бѣлое духовенство, болѣе близкое къ обществу и народу, менѣе проникнутое византійскимъ аскетизмомъ, будетъ выдвигаться народомъ въ противовѣсъ черному духовенству, которое по всей вѣроятности останется представителемъ интересовъ государственной власти. При дѣятельномъ участіи мірянъ въ церковной жизни это возвышеніе бѣлаго духовенства освободитъ нашу

церковь отъ излишняго византійскаго аскетизма и отъ пренебрежительнаго отношенія къ культурѣ и общественной жизни. Оно будетъ содѣйствовать тому, что церковь, не ограничиваясь поэзіей обряда и проповѣдью индивидуальнаго самоусовершенствованія, все болѣе и болѣе будетъ приобрѣтать значеніе жизненной, всеобъемлющей, все очищающей и все возвышающей силы. Мы думаемъ, что нашему бѣлому духовенству предстоитъ великая задача.

Автономія церкви, какъ и государства, весьма желательна. Но какъ достичь ея? Мы сомнѣваемся, чтобы такъ легко было разграничить область церковную отъ области государственно-общественной. Посмотрите, какъ тѣсно связаны въ народной душѣ религіозныя вѣрованія и вся его жизнь. Если даже къ наукѣ и искусству государство не всегда относится безразлично, то тѣмъ болѣе трудно ожидать этого въ отношеніи къ церкви, скрывающей въ себѣ глубочайшую подпочву всей личной и общественной жизни народа. Вслѣдствіе неразграниченности этихъ сферъ, пока государственная и церковная власть будутъ стоять рядомъ, онѣ всегда будутъ или въ борьбѣ, или одна изъ нихъ будетъ ассимилироваться съ другой ко вреду государства и церкви. Только тогда водворится прочный миръ между ними, когда онѣ будутъ брать свои корни не въ разныхъ лицахъ, облеченныхъ властью, а въ одной душѣ, въ одномъ сердцѣ, именно въ душѣ народной. Здѣсь народная психологія сама сумѣетъ разграничить Божіе отъ кесарева.

По поводу Высочайшаго указа 17 апрѣля.

Въ день св. Пасхи, 17 апрѣля, обнародованъ Высочайшій указъ, даровавшій каждому подданному свободу вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ его совѣсти. Отнынѣ отпаденіе отъ православной вѣры въ другое христіанское исповѣданіе или вѣроученіе не подлежитъ преслѣдованію и не влечетъ ограниченія личныхъ и гражданскихъ правъ. Оно уже не составляетъ преступленія, наказуемаго государствомъ. Старообрядчество и сектанство, за исключеніемъ изувѣрныхъ сектъ, объявляются признанными государствомъ религіозными исповѣданіями съ правомъ общественнаго богослуженія. Старообрядческія и сектантскія общины признаются

юридическими лицами. Избираемые ими духовныя лица, подъ наименованіями „настоятелей“ и „наставниковъ“, освобождаются отъ воинской повинности, получаютъ сословныя права, свободно отправляютъ требы и завѣдуютъ метрическими книгами, бывшими дотолѣ въ вѣдѣніи полиціи. Старообрядцамъ и сектантамъ разрѣшены народныя школы подъ контролемъ министерства народнаго просвѣщенія, распечатываются всѣ молитвенные дома и разрѣшены кладбища и сооруженіе новыхъ молитвенныхъ домовъ. Вводится свобода преподаванія Закона Божія на родномъ языкѣ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій. Устраняются различныя стѣсненія въ отношеніи къ католикамъ, къ инославному и иновѣрному духовенству. Признается необходимость пересмотра законоположеній о лицахъ магометанскаго исповѣданія, о ламаитахъ. Приняты мѣры къ отмѣнѣ административныхъ распоряженій, стѣсняющихъ права старообрядцевъ и сектантовъ на службу государственную и общественную. По предложенію Высокопреосвященнаго Автоія приняты мѣры къ измѣненію или отмѣнѣ 1006 ст. уг. суд., возлагавшей на духовное начальство обязанность требовать уголовнаго преслѣдованія по дѣламъ о совращеніи изъ православія или отступленія отъ вѣры христіанской (Высочайше утвержденныя 17 апр. положенія комитета министровъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости).

Удивительно, до какой степени медленно входятъ въ общественное сознаніе и жизнь идеи, возвѣщенныя почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и сами по себѣ чрезвычайно ясныя. Область совѣсти есть область церкви, но отнюдь не государства. Государственная власть, вступая въ эту область, берется не за свое дѣло и превышаетъ свои полномочія. Для церкви, наоборотъ, совѣсть — исключительная сфера дѣйствія, а исключительныя средства ея—слово убѣжденія и примѣръ. Какъ только церковь начинаетъ дѣйствовать насиліемъ, она въ этотъ моментъ перестаетъ быть церковью. Церковь и насиліе взаимно исключаютъ другъ друга. Церковь можетъ быть лишь тамъ, гдѣ есть свобода духа.

Къ жизненному усвоенію этой, какъ и другихъ истинъ, возвѣщенныхъ евангеліемъ, человечество приходитъ путемъ долгой культурной работы. Для того, чтобы воспринять въ себя евангельскія идеи братства, равенства и сво-

боды, ему надо начать самостоятельно думать, искать, работать, неизбежно при этомъ заблуждаясь, но неизмѣнно идя все впередъ, собирая по пути драгоцѣнные уроки жизни. И лишь тогда, выстрадавша на собственномъ опытѣ, смоченныя кровью и орошенныя слезами, эти идеи становятся для него безусловными жизненными принципами, а не отвлеченными теоріями и утопическими вѣрованіями, какими онѣ являются часто у служителей евангелія и представителей церкви. Въ этомъ—великій смыслъ культуры. Въ евангеліи истина идетъ съ неба на землю, въ культуру она идетъ отъ земли къ небу. Высочайшій указъ 17 апр., „будучи дѣломъ мира и любви“, есть великая побѣда и евангелія и культуры.

Въ частности указъ 17 апр. мы привѣтствуемъ какъ начало общей церковной реформы, какъ крупный шагъ въ раскрытіи православнои церкви. Для освобожденія церкви отъ государственнаго гнета необходимо устранить вмѣшательство свѣтской власти не только въ жизнь православія, но и вообще въ сферу религіи, въ какой бы она формѣ не выражалась. Стѣсненія по отношенію къ старообрядчеству и сектантству съ своей обратной стороны являются насиліемъ надъ самимъ православіемъ, поскольку цѣлость послѣдняго они охраняютъ мѣрами насилія. Такимъ образомъ въ указѣ 17 апр. истинно-православные люди найдутъ освобожденіе не только для старообрядчества и сектантства, но отчасти и для самого православія. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо можно надѣяться въ скоромъ времени на полное раскрытіе православнои церкви.

Было бы не только малодушіемъ, но и большимъ заблужденіемъ, съ объявленіемъ вѣротерпимости опасаться за сохранность православія. Наше православіе лишь съ наружной и внѣшней стороны представляетъ собою зрѣлище благополучія, съ внутренней же—оно, благодаря ненужнымъ услугамъ государства, опочивъ отъ дѣлъ своихъ, въ блаженствѣ покоя уснуло и какъ бы замерло. Прѣ него можно сказать тоже, что Никоновская лѣтопись говорила объ архіереяхъ временъ уни: „епископы русскіа вси умолчаша и воздремаша и уснуша“. Вотъ что писалъ Гириаровъ-Платоновъ о положеніи православія. „Ревнителі казеннаго православія готовы поставить расколу даже въ обвинительный!

пунктъ его церковную самостоятельность; сами же лобызаютъ зависимость церкви отъ гражданской власти, хотѣли бы съѣсть къ ней совѣмъ на руки, и не прочь доказывать, что въ этомъ даже состоитъ преимущество истинно-православнаго устройства! „Лишь бы числились нашими!“ Желаніе ревнителей фронта только этимъ и ограничивается, и оно-то есть глубочайшая деморализація. Въ немъ скрывается прямое отрицаніе вѣры, и первымъ его наслѣдіемъ является небреженіе о духовной жизни пасомыхъ, за признаніемъ ея ненадобности... Мертвое однообразіе есть механизмъ, отреченіе отъ духовности“ ¹⁾. Теперь необходимость борьбы разбудить дремлющихъ, воскресить то, что замерло. Портъ-артурцы до прошлаго года были самыми обыкновенными людьми, но постоянное присутствіе врага вблизи сдѣлало изъ нихъ самоотверженныхъ героевъ. Чѣмъ больше будетъ борьбы, тѣмъ сильнѣе и богаче будетъ внутренними дарами православіе.

Высочайшій указъ является прекраснымъ урокомъ для насъ и нашего духовенства. Вспомните, какой шумъ поднялъ въ духовенствѣ докладъ Стаховича о свободѣ совѣсти. Въ нашихъ богословскихъ журналахъ до послѣдняго времени цензура не пропускала статей въ защиту свободы вѣры. Но то было вчера. А нынѣ дарованіе свободы вѣры признается „дѣломъ мира и любви“. Какъ скоро мѣняются принципы! Что мѣняетъ ихъ государство, это неудивительно, такъ какъ оно идетъ и должно идти за духомъ времени. Но гдѣ же вѣчные принципы церкви? Увы! Въ провозглашеніи христіанскихъ истинъ церковь не только не опережаетъ, но, кажется, отстаетъ отъ государства. Правда, Высокопреосвященный Антоній заявилъ въ комитетѣ министровъ, что церковь, болѣзнуя объ отпадающихъ отъ нея, не можетъ въ тоже время желать насильственнаго въ ней ихъ удержанія, что всякое насиліе чуждо самой природѣ церкви Христовой. Прекрасныя слова. Но почему такъ рѣдко и такъ поздно говорятся они?

В. Мышцынъ.

26 апрѣля.

¹⁾ Сборникъ сочиненій. Т. II. стр. 211—212.

О П Е Ч А Т К А .

На стр. 172 майской книжки вкралась опечатка.

Въ фразѣ: „Тоже явленіе служить объясненіемъ живучести и благоустройства церкви католической“ слѣдуетъ читать: „церкви старо-католической“.